

Алиса Росман

Канцелярская
крыса

18+

ТЕНИ БЕЛОКАМЕНСКА

Алиса Росман

**Канцелярская крыса.
Тени Белокаменска**

«Автор»

2026

Росман А.

Канцелярская крыса. Тени Белокаменска / А. Росман — «Автор», 2026

Белокаменск, 2030 год. Российская Империя, где магия определяет всё. Знать купается в роскоши, а простые люди, лишённые дара, влачат жалкое существование. Аглая, девятнадцатилетняя сирота из приюта, принадлежит ко вторым. Её удел — переписывать бумаги в Опричном Приказе за гроши и снимать угол в подвале у странной старухи. Аглая и не подозревала, что в ней скрыт редкий и запретный дар: она может управлять Мглистыми — той самой нечистью, которую Империя приказала уничтожить. Теперь у неё есть шанс изменить свою жизнь. Но в мире, где за каждым шагом следят, а любой секрет может стоить жизни, даже дар становится проклятием. Что, если главная тайна связана с её прошлым? И что, если именно она — ключ к разгадке заговора, который может потрясти основы Империи?

© Росман А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алиса Росман
Канцелярская крыса. Тени Белокаменска

Глава

Глава 1

Я стояла на ступенях монастырского приюта Святой Варвары и пересчитывала мелочь в кармане. Медяки грели ладонь, но грели плохо. Как и солнце, которое пыталось пробиться сквозь плотную пелену белокаменского тумана.

Девятнадцать лет. Ровно столько я прожила под крылом этой обители. Теперь же крыло расправлялось, выталкивая меня наружу, в мир, где нет наказа за провинность в виде стояния в углу на гречке, но есть тысяча других законов, за которые карают уже не игуменья, а Опричный Приказ.

— Аглая, ты опять стоишь столбом? — голос старшей сестры Матроны прозвучал за спиной резко, как удар хлыстом. — Расписание практики разве не висит на доске? Опоздаешь на первое место — и будешь до конца жизни переписывать протоколы в подвале.

Я сжала монеты так, что они впились в кожу. Она права. Но почему-то так хотелось остановить этот миг. Последний миг, когда ты принадлежишь хоть какому-то месту.

В приюте меня не любили, но я привыкла. У тех, у кого в роду течет магия, спина прямая, а взгляд чистый.

У таких, как я, спина сутулая, а во взгляде — вечный вопрос: «Зачем ты вообще родилась?».

Я шагнула вниз, и туман сомкнулся за моей спиной, отрезая прошлое.

Белокаменск шумел. Кареты на магической тяге бесшумно скользили по брусчатке, их кузова переливались перламутром. Экипажи из тряпья и дерева, запряженные уставшими кобылами, жались к обочинам, пропуская господ.

Золотые буквы на вывесках ювелирных лавок, блеск витрин, запах свежей выпечки из пекарен для благородных — и тут же, в подворотне, вонь сырости и кислой капусты.

Мир делился на две половины: для тех, у кого есть Дар, и для тех, кто служит им в качестве фона.

Наставница по канцелярским наукам учила нас:

— Твоё место — за бумагой, Аглая. Бумага не требует магии, лишь терпения. И если ты будешь хорошо писать, то, возможно, когда-нибудь тебя возьмут писарем к графскому дому. Будешь есть не раз в день, а два.

Радужная перспектива.

Я добралась до Опричного Приказа — мрачного здания из серого кирпича, напоминающего тюремный замок. Окна — узкие бойницы. На воротах выгравирован герб империи: двуглавый орел, сжимающий в когтях не скипетр и державу, а череп и песочные часы.

— Документы, — охранник на входе даже не посмотрел на меня.

Я протянула бумагу. Он взвесил ее на ладони, словно определяя ценность, и брезгливо кивнул.

— Вторая дверь налево. Будешь у писарей. Не вздумай совать нос в кабинеты старших приставов.

Внутри царил полумрак. Слышно было только, как скрипят перья и гудит магический светильник на потолке. Меня встретил высокий худой мужчина с лицом, похожим на стиральную доску. Он окинул меня взглядом, оценил поношенную форму (которую я ушивала трижды), стоптанные башмаки и выдал:

— Сирота из приюта? Безродная?

— Аглая, — представилась я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Мне всё равно, как тебя зовут. Сядешь в дальний угол. Будешь переписывать отказные материалы по кражам из подвалов. За неделю сдашь пятьсот страниц. Не сдашь — вычтут из пособия на жилье.

Он ткнул пальцем в кипу ветхих, пахнувших плесенью папок. Я вздохнула, взяла перо, обмакнула в чернила.

Вот так началась моя взрослая жизнь. С запаха чернил и шелеста бумаги, который должен был длиться вечность.

Комната, которую я сняла (потому что на большее пособия не хватало), находилась в подвальном этаже старого дома у Черного Моста. Хозяйка, бабка Анфиса, сдавала угол загородкой из тряпок.

Она была странной. Вечно сутулая, в засаленном платке, она постоянно бормотала что-то под нос, перебирая сушеные корни у себя на кухне. Я знала, что она варит запретные снадобья. Запах сухой полыни и еще чего-то едкого смешивался с запахом плесени.

Но я молчала. Мне было страшно. Страшно, что за ней придут. А если придут? Меня тоже отправят на каторгу, а там даже бумаги не будет.

Я старалась не пересекаться с ней. Приходила ночевать, молча пила чай из ржавой кружки и утыкалась лицом в стену.

Но в ту ночь, когда я вернулась из Приказа с ноющей спиной и мозолями на пальцах, бабка Анфиса вдруг остановилась, глядя на меня мутным глазом.

— Эх, девка, — прошамкала она. — Ты ж не простая. Запах у тебя... глубокий. Туманный. Словно в тебе дыра, а в той дыре кто-то шевелится.

Я вздрогнула.

— Вы о чем, бабушка?

Она засмеялась громким смехом, потрясла перед моим носом связкой сухих грибов и ушла в свою каморку, хлопнув дверью.

Я легла на жесткий топчан, пытаюсь уснуть.

Белокаменск за окном выл ветром. Где-то во мраке брехали собаки.

А потом я слышала шорох.

Тихий, словно кто-то проводит сухой веткой по камню.

Он доносился из угла комнаты, там, где висела старая икона. Я подскочила, дрожащей рукой чиркнула спичкой. В тусклом свете я увидела его.

Существо.

Оно было похоже на клубок тумана, в котором угадывались очертания маленького, скрюченного человечка. Серые пальцы, длинные, как нитки, тянулись ко мне. Глаз не было, но я чувствовала — оно смотрит.

Я хотела закричать, но в горле застыл ком. Я слышала пульс в висках. Я видела, как оно медленно, по-паучьи, сползает по стене.

Но... оно не нападало.

Оно просто сидело в углу и шевелило своими нитяными пальцами.

Я сжала кулак, пытаюсь заставить себя успокоиться.

Это просто сон. Это усталость.

Но шорох усилился.

И вдруг — внутри меня что-то щелкнуло. Не в голове. Глубже. Там, где, как говорила бабка Анфиса, была «дыра».

Я мысленно, почти неосознанно, крикнула ему: «Замри!».

И существо замерло.

Оно сжалось в крошечный серый шарик и зависло в воздухе.

Я сидела на кровати, в темноте, и смотрела на этот шарик, не в силах отвести взгляд. Мои пальцы дрожали. Я поняла, что я ощущаю его. Ощущаю, как в нем пульсирует что-то — холодное, голодное, и полностью подчиненное мне.

Я только что взяла под контроль Мглистого. Шороха.

Ту самую нечисть, которой по законам Империи не должно быть на улицах, а если она есть — ее положено уничтожать магией Светлого Полка.

Я сглотнула.

Если об этом узнают... меня не просто отправят в подвал. Меня посадят в клетку из меди, как диковинного зверя. Или того хуже — сотрут мою сущность, как неудавшийся чертеж.

Я приказала Шороху в туманной форме:

— Уйди. В щель. Спрячься.

И он исчез, словно растворяясь в деревянной панели стены.

Я просидела до утра, глядя в одну точку. В голове крутилось одно. Это ненормально, у меня нет магии, мне все это просто приснилось.

Первая неделя в Опричном Приказе стала моим личным чистилищем. Я переписала около трехсот отказных материалов, и мои пальцы превратились в сухие сучки, вечно сжимающие перо.

Сослуживцы — такие же безродные писцы и писари — косились на меня с неприкрытой безгливостью. Я была новенькой, а значит, самой слабой.

— Эй, приютская, — окликнул меня парень с жидкой рыжей бородкой, проверяющий мои бумаги. — Ты цифру "три" пишешь с петлей. Так нельзя. У нас тут имперские стандарты. Переделывай.

Я сжала перо, чувствуя, как внутри поднимается горячая волна. Нет, не гнев. Тогда я еще не знала, что это такое. Это было что-то похожее на... эхо. Словно где-то в глубине меня — там, где прятался тот Шорох — кто-то болезненно сжался и зашипел.

— Я перепишу, — тихо сказала я, склоняя голову.

Запах чернил смешивался с запахом моей собственной усталости. Я почти не спала.

Каждую ночь я просыпалась от шорохов. Теперь я знала, что это не грызуны. Это Мглистые. Они приходили ко мне. Сначала один, потом второй. Они вылезали из трещин в стенах, из-под половиц, из темных углов подвала, где я снимала угол. Я боялась их. Боялась, что кто-то увидит. Но с каждым днем страх уступал место другому чувству — удивлению.

Я могла ими управлять.

Я чувствовала их, как чувствуют кончики собственных пальцев. Они были холодными, голодными, но послушными. Я приказывала им спрятаться, и они сжимались до размеров пылинки, забиваясь в щели. Я чувствовала, как они смотрят на меня — не глазами, а своим туманным нутром. И в этом взгляде было уважение, смешанное со страхом.

Они меня боялись.

Но утром я снова становилась тихой Аглаей из приюта, переписывающей чужие ошибки.

На четвертый день, когда солнце залило Белокаменск своим болезненно-желтым светом, пробившись сквозь туман, в нашу канцелярию вошел он.

— Мне нужна помощь. Там наверху завал, а бумаги надо разобрать за сегодня. — Голос был низким, хрипловатым, с заметной усталостью.

Я подняла голову.

Передо мной стоял старик. Нет, не старик — пожилой мужчина. Лет пятидесяти, с густыми седыми бакенбардами, которые по моде прошлого века спускались до воротника его черного сюртука.

Вместо обычного форменного мундира пристава он носил потертый плащ, весь в мелких дырочках — похоже, от кислоты или химикатов. В глазах его, светло-серых, почти прозрачных, светилась какая-то ироничная усмешка.

— Венедикт Кузьмич, — представился он, обращаясь к надзирателю. — Из особого отдела. Мне нужен помощник на неделю.

Надзиратель замялся.

— Господин пристав, у нас тут все заняты. А эта... — он кивнул в мою сторону, — она только новенькая, необученная.

Венедикт Кузьмич перевел на меня взгляд. На секунду мне показалось, что он видит меня насквозь, слышит биение моего сердца, которое колотилось как бешеное. Он улыбнулся — уголками губ, едва заметно.

— Она как раз мне и нужна. Молодая, глазастая, не замыленная рутина. — Он протянул руку. — Пошли, милая. Покажешь, как умеешь писать протоколы.

Я осторожно взяла его сухую, теплую ладонь и поднялась. Внутри все дрожало. Но не от страха. От надежды.

Магазин "Скиф" находился на главной улице Белокаменска, Царском Пути. Это было роскошное здание с огромными витринами, в которых обычно сверкали золото и самоцветы.

Сейчас там было пусто.

Мы стояли у разбитой двери. Стекла лежали на тротуаре, переливаясь в свете утренней зари. Внутри царил хаос. Витрины были пусты, пол усеян осколками, а воздух пах озоном — так пахнет магия после мощного выброса.

— Гляди сюда, — сказал Венедикт Кузьмич, опускаясь на корточки и указывая пальцем на пол. — Видишь?

Я подошла ближе. На полу, среди осколков стекла, лежали следы. Но не человеческие. Они были похожи на ожоги — черные, дымящиеся пятна в форме человеческих ступней.

— Я видел такие только раз, — пробормотал пристав, почесывая затылок. — Тридцать лет назад. Это не работа людей.

Я сглотнула. Внутри меня — там, где прятался мой собственный Шорох — что-то встрепенулось. Оно чувствовало чужое присутствие.

— Мглистые? — вырвалось у меня шепотом.

Венедикт Кузьмич резко обернулся и посмотрел на меня с новым выражением лица. Он больше не улыбался. В его глазах застыла пристальная, цепкая настороженность.

— Откуда ты знаешь такие слова, девушка? — тихо спросил он.

Я замерла. Вот оно. Мгновение, которое может разрушить мою хрупкую жизнь. Сказать правду? Я не знала, кто он. Он мог быть добрым, а мог быть агентом Императорской Канцелярии по борьбе с запретными сущностями.

— В приюте... рассказывали, — выдавила я. — Старшие девочки пугали нас байками. Говорили, по ночам к детям приходят.

Венедикт Кузьмич усмехнулся, но глаза его остались серьезными.

— Да, байки. Хорошие байки. — Он покачал головой. — А дело — вот оно. Кто-то использовал Мглистого. Причем такого, который способен переносить тяжести. Это не просто "Шорох. Это что-то сильнее.

Мы прошли внутрь. Я старалась не смотреть на тени, но чувствовала — везде. Везде, куда падал слабый утренний свет, в углах, под прилавками прятались крошечные сгустки тумана. Они дрожали. Они боялись.

А потом я увидела его.

У дальней стены, за перевернутым стулом, сидел сгусток темноты. Он был больше остальных, размером с крупную собаку. Он имел очертания человека, но без лица — одна сглаженная форма, как статуя, вырезанная из дыма. Его руки были покрыты черными чешуйками, которые медленно двигались, переливаясь.

— Это Лик, — сказал Венедикт Кузьмич, не подходя ближе. — Среднее звено. Он не причинит вреда, пока мы его не тронем. Он просто охраняет то, что здесь осталось.

И в этот момент Лик *повернулся* ко мне.

Он не имел глаз, но я знала — он смотрит. Он смотрел именно на меня.

А потом я слышала внутри себя его *голос*. Это было не слово, а ощущение: ледяной страх, который он излучал. И в этом страхе была *просьба*.

Освободи.

Я вздрогнула. Пальцы сжались в кулаки.

— Что с тобой? — спросил Венедикт Кузьмич, подходя ближе. — Ты побледнела как полотно.

Я открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент слышала шаги на улице.

В дверях стоял высокий мужчина в белоснежном мундире с золотыми погонами. На груди сверкал родовой герб — Императорский. Его глаза были холодными, как сталь.

— Пристав Кузьмич? — голос его звенел в тишине. — По приказу Его Императорского Величества, дело "Скифа" передается в особый отдел Канцелярии. Прошу вас покинуть помещение.

Я видела, как побледнел Венедикт Кузьмич. Он медленно выпрямился, поправил свой потертый плащ и кивнул.

— Слушаюсь, господин полковник.

Я стояла рядом, не дыша. Лик за моей спиной бесшумно таял, растворяясь в тени.

Но я знала. Я знала, что он не ушел. Он спрятался. И он ждет моего приказа.

Когда мы вышли на улицу, Венедикт Кузьмич взял меня за локоть и отвел в сторону.

— Запомни, Аглая, — сказал он, глядя мне в глаза. — В этом городе все следят за всеми. Но иногда слепые могут видеть там, где зрячие слепы. — Он достал из кармана памятную визитку и протянул мне. — Завтра в восемь вечера зайди в чайную "У Вдовы". Не говори никому. Приходи одна.

Я взяла визитку дрожащими руками.

— Господин пристав... я...

— Я знаю, что ты видела, — перебил он. — И я знаю, что ты чувствуешь. Приходи. У нас будет о чем поговорить.

Он развернулся и пошел по брусчатке, исчезая в тумане, который тут же сгустился, затягивая утренний Белокаменск.

Я стояла одна, сжимая визитку в руке, и в груди у меня билось сердце.

Следующий день тянулся, как резиновый. Я переписывала бумаги, но видела перед собой только то, что произошло в магазине.

Лик. Его безликое лицо.

И тот момент, когда он посмотрел на меня. Внутри, где-то в глубине, мой собственный Шорох беспокойно ворочался. Он будто чувствовал чужое присутствие — сильное, опасное.

Я хотела рассказать кому-то.

Но кому? Бабке Анфисе? Она только усмехнется и скажет:

— Ты, девка, с ума сошла.

Начальству? Меня сразу же упекут в лечебницу для одержимых.

Оставался только один вариант — та самая визитка, которую я спрятала в кармане форменного платья. Я то и дело касалась ее, проверяя, на месте ли она. Бумага была шершавой, с тиснением:

"Вдовый переулок, 13. Чайная".

Когда пробило семь вечера, я оставила на столе стопку переписанных бумаг и тихо выскользнула из Приказа.

Туман уже клубился по улицам, делая их зыбкими и нереальными. Фонари зажглись магическим огнем — холодным, голубоватым. Такие огни ставили только в центре. На окраинах, где я жила, люди жгли керосиновые лампы. Так было дешевле.

Я шла по Царскому Пути, стараясь не смотреть на витрины. В одной из них я заметила свое отражение. Худое лицо, темные круги под глазами, волосы, выбившиеся из пучка. Я выглядела как чужая среди этого великолепия.

Вдовый переулок оказался узким, как щель. Он прятался между двух высоких домов, фасады которых были украшены лепниной с изображениями грифонов и русалок. Чайная находилась в подвале. Маленькая дверь, обитая железом, и единственная лампа над входом, которая мигала.

Я толкнула дверь и вошла.

Внутри пахло мятой, сушеными яблоками и еще чем-то терпким — похоже на старый табак.

Обстановка была спартанской: несколько деревянных столов, скамьи, на стенах — старые карты Империи. За стойкой стояла грузная женщина с лицом, изрезанным морщинами. Она не обратила на меня внимания, просто кивнула в сторону дальней комнаты.

Я прошла туда.

В комнате, за маленьким столиком, сидел Венедикт Кузьмич. Он снял свой потертый плащ и теперь сидел в жилетке поверх белой рубашки с закатанными рукавами. На столе перед ним стоял заварной чайник, две чашки и тарелка с сушками.

— Садись, Аглая, — он указал на стул напротив. — Не бойся. Здесь безопасно. У Вдовы — единственное место в Белокаменске, где магия не работает.

Я села, чувствуя, как дрожат колени. Он налил мне чай — густой, почти черный — и пододвинул тарелку.

— Ешь. Ты выглядишь как призрак.

Я взяла сушку, но есть не стала. Просто сжимала ее в пальцах, крутила.

— Вы знаете, что я видела? — спросила я тихо.

Венедикт Кузьмич отпил глоток, поставил чашку на стол и долго смотрел на меня. В его серых глазах я видела усталость человека, который слишком много знает и слишком мало может сделать.

— Ты видела Лика, — сказал он. — При чем видела его так, как видят только те, кто связан с Мглистыми. — Он наклонился вперед, понижая голос до шепота. — Я чувствую это. Когда мы стояли там, воздух изменился. Он стал... спокойнее. Ты воздействуешь на них, Аглая. Ты это знаешь?

Я замерла. Хотела соврать, сказать, что это совпадение. Но его глаза были такими честными, что ложь застряла у меня в горле.

— Да, — прошептала я. — Я... я могу управлять ими. Слабыми. Шорохами. А вчера, в магазине, я почувствовала, что Лик меня услышал. Он просил меня о чем-то.

Венедикт Кузьмич вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Тридцать лет, — сказал он. — Тридцать лет я искал такого человека. Не знаю, как это у тебя получилось. Может быть, твои родители были одними из них, может быть, это случайность. Но знаешь, что я скажу? Это не проклятие. Это дар. Редкий. Запретный. Потому что Император и его Канцелярия боятся тех, кто может контролировать нечисть. Они считают, что это нарушает баланс.

Он подвинул ко мне свою чашку и налил еще чаю.

— То ограбление, — продолжил он. — В нем замешан кто-то из приближенных к трону. Это не простые воры. Они использовали Лика, чтобы унести драгоценности. Но Лик не подчиняется обычным людям. Значит, заказчик — маг. И очень сильный. Но почему он использовал Лика? У него есть свои люди, своя стража. Зачем ему это?

Я слушала, чувствуя, как внутри нарастает напряжение. Какая-то мысль билась, как пойманная птица.

— А если он не воровал? — сказала я тихо. — Что если он забирал то, что... было его? Вы сказали, что ювелирные изделия делают индивидуально. Их заказывают люди, близкие ко двору. Может быть, Лик унес не просто украшения, а что-то спрятанное внутри них?

Венедикт Кузьмич замер. В его глазах мелькнуло удивление, смешанное с уважением.

— Умная девочка, — прошептал он. — Очень умная. Я думал об этом. В "Скифе" пропали три вещи: ожерелье с алмазами, которое заказывала графиня Волконская, перстень генерала Громова, и диадема, которую никто не заказывал. Она просто лежала в витрине, как неизвестный экспонат. Никто не знает, чья она.

— Может, ее сделали для того, кто не хотел оставлять следов, — сказала я.

Он кивнул и посмотрел на меня так, будто видел меня впервые.

— Ты не просто канцеляристка, Аглая. Ты детектив. — Он улыбнулся. — Я хочу предложить тебе работу. Тайную. Ты будешь помогать мне. Но знай: если кто-то узнает, нам обоим грозит каторга. Или хуже.

Я сглотнула. В душе боролись страх и надежда.

— Я согласна, — сказала я, почти не веря собственным словам. — У меня нет семьи. Нет денег. Нет будущего. Но есть... это, — я коснулась груди, туда, где чувствовала тепло своего дара. — Если я могу сделать что-то полезное, я сделаю.

Венедикт Кузьмич протянул руку через стол. Я вложила свою ладонь в его. Рукопожатие было крепким, как сталь.

— Тогда слушай, — сказал он. — Завтра я уезжаю в архивы. Мне нужно проверить записи о тех, кто заказывал украшения. А ты остаешься в Приказе. Твоя задача — разузнать, кто еще интересовался "Скифом" в последние дни. Спрашивай у старших, у посетителей, у прохожих. Но делай это осторожно. И... — он на мгновение замолчал, — не используй свой дар в здании. Там есть амулеты, которые реагируют на магию Мглистых. Если кто-то почувствует эманации — все кончено.

Я кивнула.

Мы допили чай. Я чувствовала, как тепло разливается по телу, согревая кости. Но в голове был холодный, ясный расчет.

Это мой шанс, мой шанс изменить свою жизнь. Теперь я не безродная и не бесполезная, как говорили в приюте.

Глава 2

В Приказе я старалась быть незаметной, как мышь, я научилась этому в приюте, чем тише себя ведешь, тем меньше достается.

В тот день мне повезло. Или нет — как посмотреть.

В канцелярии стояла духота, магические светильники гудели, нагоняя сон. Сослуживцы клевали носами. Я же делала вид, что переписываю старый протокол о краже из амбара, но каждое мое движение было нацелено на то, чтобы оказаться ближе к столу старшего писаря.

Ефим Григорьевич ушел обедать. На его столе, как обычно, громоздились папки. Но сегодня среди них лежала одна — с красной лентой. Особые дела.

Я оглянулась. Все были заняты. Кто-то дремал, кто-то чинил перо.

Я сделала шаг. Потом другой.

И тут же испуганно присела за соседний стол — из кабинета начальника вышли двое. Я их не видела, только слышала голоса. Они остановились у двери в коридор, совсем рядом.

— ..."Скиф" закрыт на три дня, — говорил чей-то низкий, уверенный голос. — Начальство требует, чтобы мы не вмешивались. Говорят, личное указание.

— Личное? Откуда? — спросил другой, более тонкий.

— Из Канцелярии. Сказали, что это "дело о недостатке", и мы тут ни при чем.

— Но там же Лик был. Я видел следы.

— Молчать! — голос стал резким. — Никаких Ликов. Там были обычные воры с отмычками. Мы напишем отчет, что разбито стекло, и заберем опись. Всё. Точка.

Шаги удалились.

Я выдохнула, только когда дверь захлопнулась. Сердце стучало так сильно, что я боялась — они услышат.

Значит, Канцелярия замела дело. Кто-то наверху не хотел, чтобы вскрылась правда о том, что там был Лик.

Но зачем?

Я подождала, пока тишина в канцелярии станет полной, и снова подкралась к столу Ефима Григорьевича. Папка с красной лентой лежала на самом верху. Мне нужно было просто заглянуть внутрь.

Я коснулась обложки — и в этот момент услышала шаги. Кто-то возвращался.

Я метнулась обратно к своему столу, притворяясь, что ищу упавшее перо. Подняла глаза. Это был сам Ефим Григорьевич. Он нахмурился, увидев меня у своего стола, но промолчал, только с подозрением прищурился.

— Что-то потеряла, Аглая? — спросил он холодно.

— Перо упало, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Подкатилось к вашему столу.

Он ничего не ответил, только сел и открыл папку. Я украдкой заглянула ему через плечо, когда он листал страницы. Я видела только обрывки: имена, даты.

Но одно я успела заметить — на полях, рядом с описью ювелирного магазина, стояла пометка карандашом: "Ф.Ф. — заказчик. Доверенное лицо — штабс-капитан Сторожев".

Я отвела взгляд, чтобы не выдать себя.

Весь остаток дня я крутила в голове эти слова. Ф.Ф. Штабс-капитан Сторожев.

Кто такой штабс-капитан? Младший офицерский чин. Но почему он оказался доверенным лицом в таком деле? Может быть, он выполнял поручение кого-то более высокого ранга?

Когда стемнело, я дождалась, пока Ефим Григорьевич уйдет домой, и снова подошла к его столу. На этот раз я действовала быстрее. Я взяла папку с красной лентой, раскрыла на той странице, где была пометка, и переписала в маленький блокнотик все, что успела: "Ф.Ф.

— заказчик. Штабс-капитан Сторожев — доверенное лицо. Адрес: Малый переулок, дом 14, кв. 7".

Я закрыла папку, положила обратно, и отошла.

В коридоре, на выходе, стоял дежурный пристав. Он посмотрел на меня безразличным взглядом.

— Поздно уже, — сказал он. — Иди домой.

Я кивнула и вышла на улицу.

Когда я вернулась в свою комнату, бабка Анфиса возилась на кухне. Пахло вареными травами и еще чем-то кислым. Она сидела у печки, помешивая в чугушке что-то густое, и тихо бормотала.

Я хотела пройти мимо, чтобы не привлекать внимания, но она вдруг обернулась ко мне.

— Ты, девка, сегодня странная, — сказала она, глядя на меня мутными глазами. — Пахнешь страхом. И магией. И не той, что в училищах преподают. Где это ты была?

Я замерла.

— Я работала в Приказе, как обычно, — ответила я, но голос дрогнул.

Она усмехнулась, покачала головой, и вернулась к своему вареву.

— Осторожнее, дочка. В Белокаменске у каждого камня глаза, и у каждой тени — уши. — Она помешала черпаком и добавила тихо, почти про себя: — Штабс-капитан Сторожев давно мертв, если тебе интересно.

У меня похолодело внутри.

— Что? — я подошла ближе, забыв об осторожности. — Что вы знаете?

Бабка Анфиса повернулась, усмехнулась беззубым ртом и постучала себя пальцем по виску.

— Память у меня хорошая, девочка. Полгода назад в новостях писали, что штабс-капитан Сторожев утонул в канале. Пьяным был. Но кто его знает — может, подстроили. В империи таких случаев — вагон. Люди-то пропадают, а бумаги остаются. — Она хихикнула. — Вот у тебя бумаги, а у меня травы. Кто полезнее, как думаешь?

Я стояла, не в силах шевелиться.

Если Сторожев мертв, то кто же тогда заказал украшения от его имени?

Это была ловушка.

Или чей-то сложный план, в котором мертвый штабс-капитан — лишь пешка.

Я пробормотала "спокойной ночи" и ушла в свою каморку, закрывшись на щеколду. Там, в темноте, я снова почувствовала, как в углу зашевелился мой Шорох.

Я посмотрела на него, и впервые в жизни я не боялась.

— Ты знаешь, где найти этого "Ф.Ф."? — спросила я шепотом.

Шорох замер. А потом в моей голове мелькнуло смутное, размытое видение: высокое здание с колоннами, железные ворота, и герб над ними — двуглавый орел, сжимающий череп и песочные часы.

Канцелярия.

"Ф.Ф." был там.

Я сжала кулаки.

Завтра я должна буду рассказать об этом Венедикту Кузьмичу.

В Приказе я старалась быть незаметной, как мышь. Я этому научилась в приюте, чем тише там себя ведешь, тем лучше и безопаснее.

В тот день мне повезло. Или нет — как посмотреть.

В канцелярии стояла духота, магические светильники гудели, нагоняя сон. Сослуживцы клевали носами. Я же делала вид, что переписываю старый протокол о краже из амбара, но каждое мое движение было нацелено на то, чтобы оказаться ближе к столу старшего писаря.

Ефим Григорьевич ушел обедать. На его столе, как обычно, громоздились папки. Но сегодня среди них лежала одна — с красной лентой. Особые дела.

Я оглянулась. Все были заняты. Кто-то дремал, кто-то чинил перо.

Я сделала шаг. Потом другой.

И тут же испуганно присела за соседний стол — из кабинета начальника вышли двое. Я их не видела, только слышала голоса. Они остановились у двери в коридор, совсем рядом.

— ..."Скиф" закрыт на три дня, — говорил чей-то низкий, уверенный голос. — Начальство требует, чтобы мы не вмешивались. Говорят, личное указание.

— Личное? Откуда? — спросил другой, более тонкий.

— Из Канцелярии. Сказали, что это "дело о недостатке", и мы тут ни при чем.

— Но там же Лик был. Я видел следы.

— Молчать! — голос стал резким. — Никаких Ликов. Там были обычные воры с отмычками. Мы напишем отчет, что разбито стекло, и заберем опись. Всё. Точка.

Шаги удалились.

Я выдохнула, только когда дверь захлопнулась. Сердце стучало так сильно, что я боялась — они услышат.

Значит, Канцелярия замела дело. Кто-то наверху не хотел, чтобы вскрылась правда о том, что там был Лик.

Но зачем?

Я подождала, пока тишина в канцелярии станет полной, и снова подкралась к столу Ефима Григорьевича. Папка с красной лентой лежала на самом верху. Мне нужно было просто заглянуть внутрь.

Я коснулась обложки — и в этот момент услышала шаги. Кто-то возвращался.

Я метнулась обратно к своему столу, притворяясь, что ищу упавшее перо. Подняла глаза. Это был сам Ефим Григорьевич. Он нахмурился, увидев меня у своего стола, но промолчал, только с подозрением прищурился.

— Что-то потеряла, Аглая? — спросил он холодно.

— Перо упало, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Подкатилось к вашему столу.

Он ничего не ответил, только сел и открыл папку. Я украдкой заглянула ему через плечо, когда он листал страницы. Я видела только обрывки: имена, даты.

Но одно я успела заметить — на полях, рядом с описью ювелирного магазина, стояла пометка карандашом: "Ф.Ф. — заказчик. Доверенное лицо — штабс-капитан Сторожев".

Я отвела взгляд, чтобы не выдать себя.

Весь остаток дня я крутила в голове эти слова. Ф.Ф. Штабс-капитан Сторожев.

Кто такой штабс-капитан? Младший офицерский чин. Но почему он оказался доверенным лицом в таком деле? Может быть, он выполнял поручение кого-то более высокого ранга?

Когда стемнело, я дождалась, пока Ефим Григорьевич уйдет домой, и снова подошла к его столу. На этот раз я действовала быстрее. Я взяла папку с красной лентой, раскрыла на той странице, где была пометка, и переписала в маленький блокнотик все, что успела: "Ф.Ф. — заказчик. Штабс-капитан Сторожев — доверенное лицо. Адрес: Малый переулок, дом 14, кв. 7".

Я закрыла папку, положила обратно, и отошла.

В коридоре, на выходе, стоял дежурный пристав. Он посмотрел на меня безразличным взглядом.

— Поздно уже, — сказал он. — Иди домой.

Я кивнула и вышла на улицу.

Когда я вернулась в свою комнату, бабушка Анфиса возилась на кухне. Пахло вареными травами и еще чем-то кислым. Она сидела у печки, помешивая в чугушке что-то густое, и тихо бормотала.

Я хотела пройти мимо, чтобы не привлекать внимания, но она вдруг обернулась ко мне.

— Ты, девка, сегодня странная, — сказала она, глядя на меня мутными глазами. — Пахнешь страхом. И магией. И не той, что в училищах преподают. Где это ты была?

Я замерла.

— Я работала в Приказе, как обычно, — ответила я, но голос дрогнул.

Она усмехнулась, покачала головой, и вернулась к своему вареву.

— Осторожнее, дочка. В Белокаменске у каждого камня глаза, и у каждой тени — уши. — Она помешала черпаком и добавила тихо, почти про себя: — Штабс-капитан Сторожев давно мертв, если тебе интересно.

У меня похолодело внутри.

— Что? — я подошла ближе, забыв об осторожности. — Что вы знаете? Откуда вы...

Бабушка Анфиса повернулась, усмехнулась беззубым ртом и постучала себя пальцем по виску.

— Я многое знаю. Очень многое. Память у меня хорошая, девочка. Полгода назад в новостях писали, что штабс-капитан Сторожев утонул в канале. Пьяным был. Но кто его знает — может, подстроили. В империи таких случаев — вагон. Люди-то пропадают, а бумаги остаются. — Она хихикнула. — Вот у тебя бумаги, а у меня травы. Кто полезнее, как думаешь?

Я стояла, не в силах шевелиться.

Если Сторожев мертв, то кто же тогда заказал украшения от его имени?

Это была ловушка.

Или чей-то сложный план, в котором мертвый штабс-капитан — лишь пешка.

Я пробормотала "спокойной ночи" и ушла в свою каморку, закрывшись на щеколду.

На следующий день я пришла в Приказ раньше обычного. Мне нужно было убедиться.

Бабушка Анфиса могла ошибаться. Она старая, память у нее может подводить. Но если она права...

Я подошла к стеллажу с подшивками старых газет. Их хранили в дальней комнате, куда редко кто заглядывал. Я взяла папку за прошлый год и начала листать.

Полгода назад. Осень. Сентябрь, октябрь, ноябрь...

И вот оно.

"Белокаменские ведомости", 47 от 15 октября 2029 года.

Маленькая заметка на последней странице, почти незаметная среди новостей о балах и назначениях:

"Трагический случай на набережной: вчера вечером в канале у Черного Моста обнаружено тело штабс-капитана Сторожева. Причина смерти — утопление. По предварительным данным, офицер находился в состоянии сильного опьянения. Следствие не усматривает криминального характера. Семье приносим соболезнования".

Я перечитала заметку три раза.

Сторожев был мертв.

Полгода.

А его имя все еще фигурирует в документах как доверенное лицо заказчика.

Я закрыла папку, стараясь не шуметь. Сердце колотилось где-то в горле.

Кто-то использовал мертвого человека как маску. Кто-то, кто имел доступ к архивам. Кто-то, кто знал, что Сторожев уже не сможет опровергнуть.

Я выскользнула из комнаты, стараясь не встречаться ни с кем глазами.

Мне нужно было встретиться с Венедиктом Кузьмичем. Сейчас же.

Глава 3

Я нашла его на той же скамейке у чайной "У Вдовы". Он сидел, сжимая в руке старый, пожелтевший конверт. Увидев меня, он нахмурился — заметил мое взволнованное состояние.

— Ты выглядишь так, будто видела призраков, — сказал он, пододвигая мне стул.

— Я видела кое-что похуже, — ответила я, садясь рядом. И тут же, не медля, выпалила: — Венедикт Кузьмич, я знаю, кто заказывал украшения.

Он поднял брови и отложил конверт.

— Говори.

Я начала торопливо, сбиваясь, рассказывая ему все, что разузнала за последние два дня.

— Вчера я видела документы на столе у писаря. В описи "Скифа" было имя — штабс-капитан Сторожев. Он указан как доверенное лицо заказчика. Я подумала, что это может быть важной зацепкой. — Я перевела дыхание. — Но потом моя хозяйка, бабка Анфиса, сказала мне, что Сторожев мертв. Утонул в канале полгода назад. Я проверила — она права. Он числится в списках пропавших без вести, но в Приказе его дело закрыли как несчастный случай.

Венедикт Кузьмич побледнел. Он резко выпрямился, и в его глазах мелькнул холодный, расчетливый блеск.

— Мертв? — переспросил он. — Ты уверена?

— Абсолютно. — Я кивнула. — Я все проверила. Значит, кто-то использует его имя как прикрытие. Кто-то, у кого есть доступ к архивам. Кто-то, кто знает, что Сторожев не сможет ничего опровергнуть.

Венедикт Кузьмич помолчал минуту, переваривая информацию. Потом медленно кивнул.

— Ты проделала огромную работу, Аглая. — В его голосе звучало искреннее уважение. — Это меняет всё.

Он протянул мне конверт, который держал в руках.

— А теперь посмотри на это.

Я развернула бумагу. Это был старый приказ, датированный двадцатилетней давностью. В нем говорилось о том, что штабс-капитан Сторожев был награжден орденом "За верность" за спасение некоего "важного имущества" от краж.

— Что это? — спросила я.

— Это ключ, — сказал Венедикт Кузьмич, улыбаясь. — Сторожев был не просто офицером. Он был курьером. Служил в особом отряде, который охранял личные вещи Императора. Он знал, как выглядят настоящие драгоценности и где они хранятся. И он умер не случайно. Он знал слишком много.

Он сжал кулак, глядя куда-то вдаль.

— Если его убили, значит, тот, кто использует его имя, боится, что правда всплывет. И диадема — это ключ. В ней что-то спрятано. Что-то, что тот, кто платил, хочет получить. И он готов пойти на всё.

Я смотрела на старую бумагу, чувствуя, как в груди разгорается холодная решимость.

— Мы должны узнать, что там, — сказала я. — Мы должны попасть в дом Сторожева. Там могут быть записи, дневники, что угодно, что прольет свет на это дело.

Венедикт Кузьмич посмотрел на меня с новым, более глубоким уважением.

— Ты готова рискнуть?

Я сжала кулаки.

— Я готова.

Он кивнул и поднялся.

— Тогда завтра в полночь жди меня у Черного Моста. Мы идем в дом Сторожева.

Ночь опустилась на Белокаменск тяжело, как мокрая простыня. Туман был таким густым, что фонари казались просто размытыми пятнами света. Я стояла у Черного Моста, кутаясь в старую шаль, которую дала мне бабка Анфиса — единственное теплое, что у меня было.

Ноги гудели от усталости. За последние три дня я спала от силы часов десять. Сначала работа в Приказе до вечера, потом бессонные ночи, когда я лежала на топчане и слушала, как Шорохи шевелятся в углах. Они не давали мне покоя. Они будто ждали чего-то. Или звали меня.

Я зевнула, прикрывая рот ладонью, и тут же одернула себя. Нельзя показывать слабость. Даже когда вокруг никого нет. В приюте меня научили: если покажешь, что устала — тебя сожрут. Не в прямом смысле, конечно, но растопчут точно.

Венедикт Кузьмич появился из тумана бесшумно, как тень. На нем был тот же потертый плащ, но в руках он держал небольшую сумку. Из нее торчал какой-то металлический предмет.

— Ты вовремя, — сказал он тихо, оглядываясь по сторонам. — Идем. У нас мало времени.

Я кивнула и шагнула за ним, чувствуя, как холодный воздух пробирается под шаль. Мы двинулись вдоль канала. Вода была черной, маслянистой, в ней отражались редкие огни. Я старалась не смотреть вниз — каждый раз, когда я видела воду, перед глазами вставала та заметка из газеты: "тело штабс-капитана Сторожева обнаружено в канале".

— Венедикт Кузьмич, — спросила я шепотом, — вы уверены, что в его доме еще что-то осталось? Прошло полгода. Его вещи могли выбросить.

— Я проверял, — ответил он, не оборачиваясь. — Квартира опечатана. Формально она принадлежит государству до выяснения наследников. Но наследников нет. Сторожев был холост, родственников не имел. Так что вещи лежат нетронутыми. Пока.

Мы свернули в Малый переулок. Здесь было темнее, туман сгустился, оседая на стенах домов. Дом 14 оказался старым, с облупившейся штукатуркой, с узкими окнами, похожими на прорези. Входная дверь была деревянной, массивной, с кованой ручкой.

Венедикт Кузьмич достал из сумки металлический инструмент — длинную тонкую пластину с загнутым концом.

— Отмычка, — пояснил он, заметив мой взгляд. — Старая школа. Магия здесь не работает — амулеты Канцелярии реагируют на любой всплеск. Приходится по-старинке.

Он ловко вставил пластину в замок, повернул несколько раз, и дверь поддалась с тихим щелчком.

— Входим быстро. Свет не включать. У меня есть магический фонарь слабой мощности — он не привлечет внимания.

Мы вошли внутрь. Запах был затхлым, пыльным — в комнатах давно не проветривали. Венедикт Кузьмич зажег маленький фонарь, который давал тусклый зеленоватый свет. Я огляделась.

Квартира была небольшой — две комнаты и кухня. Мебель старая, потертая. На стенах висели карты, старые фотографии, какие-то дипломы. На письменном столе лежала стопка бумаг и погасшая чернильница.

— Разделимся, — сказал Венедикт Кузьмич. — Ты ищешь дневники, личные записи. Я посмотрю, что осталось в шкафах.

Я кивнула и направилась к столу.

Странное чувство охватило меня, когда я коснулась столешницы. Это место было чужим, но в нем ощущалось присутствие человека, который жил здесь, дышал, боялся. Сторожев был таким же, как я — никому не нужным, одиноким. У него не было семьи. Никто не оплакивал его смерть.

Я вспомнила свой приют. Холодные завтраки. Молчаливые ужины. Старшие девочки, которые смеялись надо мной, потому что я не умела читать заклинания, не могла зажечь свечу взглядом. Они говорили: "Ты пустое место, Аглая. Ты только занимаешь чужое место".

И я верила им. Долгие годы я верила, что я пустая.

Но теперь, стоя в темной квартире мертвого человека, я чувствовала, что внутри меня — в той самой "дыре", о которой говорила бабка Анфиса — пульсирует что-то живое. Что-то, что не давало мне сдаться.

Я тряхнула головой, прогоняя воспоминания, и открыла ящик стола.

Бумаги были обычными — счета, старые письма, какие-то черновики. Ничего интересного. Я открыла второй ящик. Там лежали папки с документами. Я начала перебирать их, стараясь не шуметь.

В третьем ящике я нашла то, что искала.

Небольшая тетрадь в кожаном переплете. На первой странице было написано: "Личный дневник. Штабс-капитан Сторожев. Начало 2029 года".

Я открыла ее на середине. Почерк был мелким, аккуратным, с заметной военной четкостью.

"Сегодня получил необычное поручение. Меня вызвал начальник Канцелярии, господин Федоров. Он дал мне конверт и сказал, что я должен доставить его в ювелирный магазин "Скиф". Там меня будет ждать человек. Имя я не знаю. Просто скажут "Ф.Ф.", и я передам конверт. В конверте, как я понял, находится чертеж. Но не обычный — магический. На нем изображена диадема, которую мне поручили забрать через месяц".

Я замерла.

Ф.Ф. — это не инициалы заказчика. Это кодовое имя человека, который передавал чертеж.

Я перевернула страницу.

"Сегодня понял, что впутался в опасное дело. Я видел, как человек в черном плаще забрал конверт. Он выглядел как приближенный ко двору. У него был перстень с гербом Императора. Я спросил у Федорова, что это за человек, но он приказал мне молчать и забыть. А потом сказал: "Сторожев, тебе лучше не знать, кто за этим стоит. Иначе ты можешь исчезнуть".

Последняя запись была от 10 октября 2029 года. За пять дней до его смерти.

"Если кто-то читает это — я оставляю этот дневник здесь, в ящике. Я знаю, что мое время пришло. Федоров сказал, что я слишком много знаю. Но я хочу, чтобы кто-то узнал правду. Тот человек, что забрал чертеж — он работает в Канцелярии. Но он не тот, кем кажется. У него на шее была татуировка — змея, кусающая свой хвост. Я видел ее, когда он наклонялся. Если кто-то найдет это — ищите человека с таким знаком. И берегитесь. Они не остановятся ни перед чем".

Я закрыла дневник, чувствуя, как внутри холодеет.

— Венедикт Кузьмич, — позвала я шепотом, и голос дрогнул от усталости. — Я что-то нашла.

Он подошел ко мне, взглянул на тетрадь, быстро пробежал глазами по записям. Его лицо становилось все более напряженным.

— Татуировка в виде змеи, кусающей свой хвост, — сказал он медленно. — Я знаю этот знак. Это символ тайного ордена "Уроборос". Они считают, что магия должна принадлежать только избранным, что Император слишком слаб, чтобы управлять магией. — Он посмотрел на меня. — Они действуют уже много лет. Говорят, они хотят свергнуть Императора и поставить на его место своего человека. Если они причастны к этому делу...

— Тогда диадема не просто драгоценность, — закончила я, чувствуя, как внутри поднимается тошнота. — В ней может быть что-то, что поможет им в их плане. Чертеж, заклинание, артефакт.

Венедикт Кузьмич убрал дневник в сумку, затем выпрямился и посмотрел на меня. В тусклом свете я увидела, как сильно он постарел за эти дни. Мешки под глазами, седина, проступившая ярче, чем раньше.

— Ты как держишься, девочка? — спросил он вдруг.

Вопрос был неожиданным. Я моргнула, чувствуя, как в горле встает ком.

— Я... — я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Я держусь. Я всегда держусь.

Он покачал головой.

— Знаешь, я тоже был таким. Молодым, бедным, безродным. — Он усмехнулся. — Я вырос в такой же дыре, как ты. Без магии, без денег. Только моя старуха-мать верила, что из меня выйдет толк. Она умерла, когда мне было шестнадцать. Я остался один. — Он помолчал. — Я знаю, как это тяжело. Но ты не одна. Запомни это.

Я опустила глаза, чувствуя, как что-то горячее жжет веки. Я не дала слезам пролиться. Не здесь. Не сейчас.

— Спасибо, — сказала я тихо.

Он кивнул и похлопал меня по плечу.

— Мы идем, Аглая. Здесь больше ничего нет.

Мы тихо вышли из квартиры, закрыли дверь, и растворились в тумане. Воздух был холодным и влажным. Я шла, чувствуя, как ноги наливаются свинцом. В голове крутилась одна мысль: "Уроборос". Орден, который хочет свергнуть Императора. И один из них работает в Канцелярии.

Когда мы дошли до Черного Моста, я остановилась.

— Венедикт Кузьмич, — сказала я. — Как мы найдем этого человека? У нас только татуировка и кодовое имя.

Он повернулся ко мне, и в его глазах я увидела ту же усталость, что чувствовала в себе.

— У нас есть еще кое-что, — сказал он. — Адрес. Тот магазин, где делали украшения. "Скиф". Завтра я пойду туда. Нужно поговорить с хозяином. Если диадему заказывали у него, он может знать, кто ее забирал.

— А мне что делать? — спросила я.

Он посмотрел на меня с легкой улыбкой.

— А ты, Аглая, иди домой. Отдыхай. Ты выглядишь так, будто не спала неделю.

Я хотела возразить, но он поднял руку.

— Это не приказ. Это совет. Ты нужна мне живой и сильной, а не на грани обморока. Иди.

Я кивнула, чувствуя, как он прав.

Когда я добралась до своей комнаты, бабка Анфиса уже спала. Я тихо закрыла дверь, сняла шаль и легла на топчан.

В углу зашевелился Шорох. Он подполз ближе, как бездомный кот, и замер у моей руки. Я посмотрела на него. Серый, бесформенный, но теплый в своей странной сущности.

— Ты тоже одинок, да? — прошептала я.

Шорох дрогнул, будто соглашаясь.

Глава 4

Утром я проснулась с больной головой. В висках стучало, веки слипались, и всё тело ломило так, будто я всю ночь таскала мешки с углём. Мне не хотелось вылезать из постели, но нужно было продолжать действовать. И я чувствовала — это дело каким-то образом касается меня лично.

Не зря я начала чувствовать этих существ. И что самое странное — я не боялась. Я испытывала какую-то странную тягу. Мне хотелось разузнать больше, понять, почему они не боятся меня, будто сами ко мне тянутся.

Я вышла на кухню, быстро позавтракала жидкой кашей, которую оставила бабка Анфиса, и отправилась в Приказ.

Белокаменск снова затянуло туманом. Казалось, в этом городе уже месяцами не было солнца. Я брела по пустынным улицам, чувствуя тотальное одиночество. Даже дома, рядом с Шорохом, мне было спокойнее, чем среди этих серых стен и молчаливых прохожих.

В Приказе я села за своё рабочее место и тут же погрузилась в работу. Сослуживцы косились на меня, но я старалась не обращать внимания. Я переписывала бумаги механически, стараясь не думать о том, что случилось прошлой ночью. О доме Сторожева. О дневнике. О змее, кусающей свой хвост.

Я не успела написать и нескольких документов, как появился Венедикт Кузьмич. Он просто кивнул головой, и я сразу поняла — нужно идти. Я поднялась со своего места и последовала за ним.

От остальных слышались шепотки. Видимо, им стало любопытно, почему он постоянно меня вызывает. Надеюсь, мы не вызовем лишних подозрений.

Он ввёл меня в тёмный угол коридора, где свет тусклой магической лампы почти не пробивался сквозь густую тень, и тихо прошептал:

— До меня только что дошли слухи, что о тебе спрашивают. Видимо, не только я такой внимательный. Поэтому постарайся быть осторожнее.

— А кто именно расспрашивает? — уточнила я, чувствуя, как внутри закрадывается тревога.

— Пока неизвестно. — Он нахмурился, и в его серых глазах мелькнула тревога. — Возвращайся к работе. Несколько дней я не буду тебя трогать, чтобы не вызывать подозрений. Ну а ты держи ушки на макушке. Если вдруг узнаешь что-то важное или услышишь — обязательно связывайся со мной. Давай договоримся так: на работе это не обсуждаем. А вечером, если что-то случится, заходи в таверну "У Вдовы". Я там буду.

Я кивнула, чувствуя, как холодная дрожь пробегает по спине. Кто-то уже интересуется мной. Кто-то следит.

Весь день я старалась не привлекать к себе внимания. Просто занималась работой, переписывала бесконечные протоколы и отказные материалы. Но при этом я внимательно обращала внимание на документы, которые проходили через мои руки. Искала похожие имена или числа, любые зацепки, которые могли бы связать Сторожева и "Уроборос".

Но ничего интересного найти не удалось.

Когда работа закончилась, я не пошла сразу домой. Мне не хотелось возвращаться в свою тесную комнатку, где пахло сыростью и старыми травами бабки Анфисы. Я хотела поговорить с Венедиктом Кузьмичом.

Может быть, он сможет рассказать мне о Мглистых. Мои знания о них были очень поверхностными — подобному в приюте меня, конечно, не учили. Говорили, что это не моего ума дело. То, что рассказывали старшие девочки, было обрывочным и часто неточным. Мы фан-

тазировали и додумывали. А сейчас, когда я сама с этим столкнулась, мне хотелось узнать обо всём подробнее.

Но я не успела дойти до таверны.

Я заметила тень, которая выскользнула из переулка. Я хотела спрятаться, но не успела. Высокий широкоплечий мужчина преградил мне путь. Он был одет в форменную одежду Канцелярии — тёмный сюртук с серебряными пуговицами и знаком на груди. Это сразу привлекло моё внимание. Я остановилась, опустила взгляд и тихо поздоровалась.

Хотела обойти его, но он окликнул меня:

— Аглая, я как раз тебя ждал.

Я замерла на месте. Сердце пропустило удар.

— Ждали меня? Зачем?

— Мне тут птичка на хвосте донесла, — мужчина чуть прищурился и сделал шаг вперёд.

Его лицо осветили уличные фонари, и я смогла лучше рассмотреть его внешность. Пролонговое лицо с квадратным подбородком. От бровей до скулы проходил тонкий шрам, будто росчерк пера, оставленный небрежной рукой. Широкие брови и очень внимательные глаза, которые, казалось, видели меня насквозь.

По спине пробежала неприятная дрожь. Та самая, которая бывает, когда интуитивно чувствуешь опасность.

— Птичка? — пролепетала я.

— Да. Птичка подтвердила. Сказала, что одна юная, очень любопытная особа суёт свой великолепный носик не в свои дела.

— Я занимаюсь только той работой, которую мне поручило начальство. И больше ничем, — сказала я, испуганно посмотрев по сторонам.

Я понимала, что подобные разговоры на улице — не самая лучшая идея. Удивлюсь, если меня могут обвинить в предательстве.

— Ты молодая и глупая, — сказал он, и голос его стал жёстче. — Ты совершенно не понимаешь этого мира. Не суй свой нос куда не следует. А то можешь оказаться в реке, и тебя больше никто не найдёт.

Я сделала шаг назад. Это уже была угроза.

— Если ты выберешь правильную сторону, — продолжил мужчина, и его голос снова стал мягче, почти вкрадчивым, — тогда твоя жизнь может измениться. Ты живёшь в маленькой комнатухе, движения по работе тебе не светит. Если будешь работать на меня, сможешь улучшить свою жизнь.

Я тяжело дышала, но ничего не отвечала. Я совершенно не знала, кто этот человек и почему он решил предложить мне работу. Здесь определённо что-то было нечисто. Я не могла ему доверять, но должна была играть свою роль.

— Работу? Официальную? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно.

Я решила спросить так, чтобы не вызвать никаких подозрений. Пусть считает, что я полностью соблюдаю законы и правила Империи.

— Конечно, законную и официальную, — сказал он с лёгкой усмешкой. — Но документы будут тайными. Мы же не идём против Империи и Императора?

— Ни в коем случае, — ответила я. — Наш Император велик.

— Умная девочка, — сказал мужчина, и в его глазах мелькнуло одобрение. — Завтра жду тебя в Канцелярии. На проходной спросишь Фёдора Фёдоровича — и тебя ко мне проведут.

Я даже не успела ничего сказать. Мужчина резко развернулся и скрылся в переулке. Когда я подбежала ближе, его уже простыл. Туман сомкнулся за ним, как занавес, скрывая любые следы.

Фёдор Фёдорович.

Я даже не могла произнести его имя и отчество вслух. А что, если это тот самый тайный "Ф.Ф." из дневника Сторожева?

Я несколько секунд стояла как вкопанная, пытаюсь сообразить, что произошло. В голове шумело, сердце колотилось где-то в горле. Холодный пот стекал по спине.

Нужно срочно рассказать всё Венедикту Кузьмичу.

Я развернулась и почти побежала в сторону таверны "У Вдовы", чувствуя, как туман сгущается вокруг меня, пряча в своей серой пелене чужие взгляды.

Глава 5

Я забежала в таверну и сразу же посмотрела на тот столик, где мы недавно сидели с Венедиктом Кузьмичом. Но его там не было. Таверна казалась пустой и чужой — только тусклый свет магической лампы мерцал над стойкой, да где-то в углу тикали старые часы.

Я спросила у женщины, которая работала за баром, но она только покачала головой:

— Его сегодня не было. И не ждали.

Пришлось идти домой. Хоть возвращаться туда не хотелось. Улицы Белокаменска тонули в густом вечернем тумане, фонари едва пробивали серую пелену, и каждый шаг отдавался эхом в тишине. Я чувствовала себя маленькой и беззащитной, будто за мной кто-то следил из темноты.

Я осторожно пробралась в свою комнату, быстро умылась ледяной водой из кувшина, переоделась в домашнюю одежду и легла на топчан.

Бабки Анфисы слышно не было, и это удивило меня. Обычно по ночам она всегда дома — возится на кухне, бормочет что-то над своими травами или просто сидит в темноте. Но сегодня в доме было тихо. Слишком тихо.

Я не стала придавать этому значения. Меня отвлёк Шорох, который появился в углу. Вначале это была маленькая серая точка, но она постепенно начала расти, расплываться, обретать форму. Он потянулся ко мне своими длинными, как нити, лапками. Я протянула к нему руку, но он не коснулся меня — тут же отпрянул, будто испугался.

— Не бойся меня, — прошептала я. — Я тебя не обижу.

Шорох снова потянулся ко мне. Его прикосновение было почти невесомым — будто коснулась струя прохладного дыма или утреннего тумана. Он снова отпрянул, а затем разросся по стене, будто обволакивая её серой дымкой.

Я внимательно рассматривала его, надеясь, что он подаст мне ещё какой-то знак. Но он будто застыл, превратившись в неподвижное облако на стене. Я смотрела на него, чувствуя странное успокоение, и не заметила, как провалилась в сон.

Утром я проснулась от холода. Анфисы всё ещё не было. На столе не стояло завтрака, не было никаких признаков того, что она возвращалась домой. Это было странно и тревожно. Она никогда не уходила так надолго.

Я собралась, быстро перекусила сухим хлебом, который нашла в шкафу, и пошла на работу. Сегодня был последний рабочий день, а завтра — выходной.

И это совсем меня не радовало, потому что я не представляла, чем мне заняться в этот выходной. Раньше я мечтала о свободном времени, но теперь, когда у меня было столько вопросов, праздность казалась пугающей.

По дороге в канцелярию я заглянула к Венедикту Кузьмичу, но его там не оказалось. Дверь в его кабинет была закрыта, и из-за неё не доносилось ни звука. Я сразу же погрузилась в работу — бесконечно перебирала бумаги, записывала, расставляла их по полкам. Руки двигались механически, но мысли были далеко.

Примерно к обеду я не выдержала и спросила у одного из своих сотрудников:

— А где Венедикт Кузьмич?

Он поднял на меня удивлённый взгляд.

— Зачем он тебе?

— Он просил помочь ему с бумагами сегодня.

— На больничном, — пожал плечами сослуживец. — Говорят, пару недель его не будет.

Мне стало не по себе. Я понимала, что обязательно должна рассказать ему о встрече с таинственным Фёдором Фёдоровичем, и затягивать с этим нельзя. Каждый час промедления мог стоить мне свободы или жизни.

Я продолжала заниматься бумагами, но внутри нарастала тревога. Ближе к вечеру меня отправили в архив — отнести несколько тяжёлых папок. Я дотащила их до архива и начала расставлять на полки. В подвальном помещении было сыро и темно, пахло пылью и старой бумагой. Магические лампы горели тускло, выхватывая из мрака только ряды стеллажей.

И когда я уже собиралась уходить, то заметила одну полку, на которой было написано, что здесь хранятся данные всех сотрудников. Я посмотрела по сторонам. Вокруг никого не было. Тишина стояла такая, что я слышала собственное дыхание.

Я решила воспользоваться случаем.

Я нашла папку Венедикта Кузьмича. Заглянула в неё. Там был указан адрес. Я несколько раз повторила его про себя, чтобы запомнить, затем вернула папку на место и тихо выскользнула из архива.

Закончив с работой, я вышла из Приказа. Вечерний Белокаменск снова окутал город своим серым саваном. Я не знала, где точно находится адрес Венедикта Кузьмича. Расспрашивать у прохожих было опасно — это могло вызвать ненужные вопросы. Не в то время и не в том месте я живу. Кто-то мог подумать, что я шпионю или что-то разнюхиваю.

Поэтому я некоторое время просто бродила по улицам, читала вывески, старалась найти нужное название. Туман клубился между домами, пряча фасады, и я чувствовала себя призраком, блуждающим в лабиринте.

И вот, когда уже стемнело, мне удалось найти необходимую улицу. К счастью, он жил недалеко от Приказа. Его дом я нашла спустя ещё десять минут. Это было старое здание с облупившейся штукатуркой и высокими окнами, за которыми горел тусклый свет.

Некоторое время я стояла неподалёку, не решаясь подойти к двери. Сердце колотилось где-то в горле. Что, если он не один? Что, если за ним следят?

Я посмотрела по сторонам. Прохожие лениво брели по тротуарам, не обращая на меня никакого внимания. Я набралась смелости, подошла ближе и постучала.

В окнах горел свет, но мне никто не открывал.

Я снова постучала — громче, настойчивее. Уже собиралась уйти, решив, что его нет дома, как дверь отворилась.

На пороге стоял Венедикт Кузьмич. Он выглядел уставшим, но не больным. Увидев меня, его глаза округлились от удивления.

— Аглая? Что ты здесь делаешь? — Он быстро оглянулся по сторонам и схватил меня за руку. — Заходи скорее, чтобы тебя никто не увидел.

Я шагнула через порог, и он тут же закрыл дверь.

— Простите, пожалуйста, — сказала я, чувствуя, как голос дрожит. — Я не должна была к вам приходить, но я обязана вам это рассказать. Я просто не знаю, что мне делать с этой информацией.

— Что случилось? — спросил он, проводя меня в небольшую гостиную с потертой мебелью и старыми книгами на полках.

Я как на духу быстро пересказала ему о встрече с Фёдором Фёдоровичем. О том, как он перехватил меня у таверны, как угрожал, как предлагал работу. О том, как он сказал, что "птичка донесла".

Венедикт Кузьмич слушал молча, его лицо становилось всё более напряжённым. Он выглядел удивлённым, но не больным. Я не стала расспрашивать его о том, почему он сказал сослуживцам, что на больничном.

— Этот Фёдор Фёдорович, — сказал он, когда я закончила. — Как он выглядел? Подробно. Каждую деталь.

— Высокий, широкоплечий, — начала я, закрывая глаза, чтобы лучше вспомнить. — Продолговатое лицо, квадратный подбородок. Шрам на скуле — тонкий, будто росчерк пера. Широкие брови, внимательные глаза. Форменный сюртук Канцелярии.

Я повторила это несколько раз, пока он переспрашивал, уточнял детали. Его лицо оставалось сосредоточенным, но я видела, что он озадачен.

— Я знаю многих в Канцелярии, — сказал он наконец. — Но этого мужчину я не помню. Это странно.

— Что мне делать? — спросила я. — Он сказал, чтобы я работала на него. Это может быть опасно. Но если я откажусь...

— Нет, Аглая, — перебил он, и в его голосе послышалась стальная нотка. — Тебе ни в коем случае нельзя отказываться. Соглашайся. Делай всё, что он говорит. Но обязательно докладывай мне. Только аккуратно.

Он замолчал, потер переносицу и тяжело вздохнул.

— Некоторое время я буду на больничном, — сказал он. — Меня попросили туда уйти, пока дело со "Скифом" замнут. Мутное дело, но не могу я перестать думать о нём.

— И я не могу, — ответила я.

— Завтра выходной, — сказал он. — Выпись, отдохни. А в понедельник я буду ждать тебя здесь, в таверне, вечером. Может быть, удастся найти какую-то информацию. Есть у меня несколько ниточек.

Мы попрощались, и я выскользнула из его дома через чёрный ход, как он и советовал. Ночь окутала меня своей холодной темнотой, и я побрела домой, чувствуя, как усталость наваливается на плечи тяжёлым грузом.

Бабки Анфисы всё ещё не было. И теперь я начала по-настоящему беспокоиться.

Глава 6

Одним из самых больших плюсов того, чтобы быть сиротой, было то, что я умела быть незаметной. Передвигаться среди толпы так, чтобы на меня никто не обращал внимания. Этому я долгие годы училась в приюте, и сейчас такая практика могла пригодиться.

Я обыскала небольшую комнатку бабки Анфисы, но ничего не нашла. Мне не хотелось лазить по её вещам — я считала, что это неправильно. Но я очень сильно беспокоилась. С ней явно что-то случилось.

Мне удалось найти её фамилию, имя и отчество. Они были выведены старыми чернилами на пожелтевшем листке, приклеенном к дверному косяку: *Развожаева Анфиса Вениаминовна*.

Это уже что-то.

Я вышла из квартирки, а затем из дома и взглянула на окна. Все уже давно спали — сейчас было позднее время. У соседей ничего не спросишь, хотя за все дни, что я жила здесь, я и не замечала, чтобы кто-то общался с бабушкой. Она всегда держалась особняком, и это казалось мне теперь ещё более подозрительным.

Я решила отправиться прямо в Опричный Приказ. Может быть, это не самое лучшее решение, но нужно с чего-то начинать. Эта женщина, хоть и странная, но по-доброму ко мне отнеслась. Она не выгнала меня, не повысила плату, не жаловалась на мою бедность. И сейчас, когда она пропала, я чувствовала себя обязанной помочь.

Когда я пришла туда и спросила у дежурного постового, могу ли я узнать информацию об этой женщине, он сразу спросил:

— А кем вы ей приходитесь?

— Я не родственница, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Я просто снимаю у неё комнату. Она пожилая женщина и никогда надолго не уходила. Вдруг случилось что-то со здоровьем? Очень переживаю.

— Может, к родственникам уехала, — пожал плечами постовой, явно не желая тратить на меня время.

— Она бы меня предупредила. В этом сомнений нет.

Я видела, что мужчина совсем не хочет работать, но ему пришлось. Он просмотрел несколько бумаг, поводит пальцем по строчкам, затем поднял на меня усталый взгляд.

— За последние сутки никаких данных по ней не поступало. Полицейские её не находили. Зайдите завтра.

Я поблагодарила его и попрощалась.

Снова вернулась домой. Ещё раз осмотрела вещи Анфисы. Они лежали на своих местах — старые платки, засушенные травы, пустые склянки. Всё было так же, как всегда. Но было в этом что-то не так. Какая-то неправильность, которую я не могла объяснить.

Она и правда ушла по каким-то делам, может быть, к знакомым. Но у меня было ощущение, что не всё так просто. Я ничего не нашла, поэтому зашла в свою комнату, сняла куртку и взглянула на Шороха. Он по-прежнему сидел в своём углу, свернувшись серым комком.

Я подошла к нему ближе.

— Можешь мне помочь, пожалуйста? — спросила я шёпотом. — Анфиса куда-то пропала. Я очень о ней волнуюсь. Она же тебя не выгоняла? Она знает, что ты здесь находишься, и никому об этом не сообщила.

Шорох зашевелился. Он начал разрастаться, выпуская свои длинные нитевидные пальцы. Я видела, как он медленно пополз по стене к окну, а затем проскользнул в щель между рамой и стеной.

Я схватила свою куртку и выбежала на улицу.

Шорох передвигался по стенам так быстро, что я еле успевала за ним следить. Его серая тень мелькала в тумане, перетекала с одного дома на другой, исчезала в подворотнях и снова появлялась. Я бежала по улице, стараясь не привлекать к себе внимания. Но моё счастье, что уже было поздно, и прохожих я практически не встречала. Только редкие фонари освещали путь, да ветер гулял по пустынным переулкам.

Наконец Шорох остановился у одного из домов.

Он выглядел заброшенным и нежилым. Двор зарос сорняками, калитка покосилась на одной петле, а стены дома покрылись мхом и плесенью. Окна были тёмными и пустыми, как глазницы мертвеца.

Я медленно зашла во двор — калитка противно скрипнула, нарушая тишину. Подошла к двери и заглянула в щель. Темно. Ничего не видно и не слышно.

Шорох оставался висеть на стене дома, неподвижный, как серое пятно. Я взглянула на него и шепотом спросила:

— Останешься тут или пойдёшь со мной?

Он даже не шелохнулся.

Тогда я осторожно приоткрыла покосившуюся дверь и зашла внутрь. Запах плесени и пыли ударил мне в нос, и я тихонько чихнула. Внутри было темно, сыро, и казалось, что воздух не двигался здесь много лет.

— Анфиса, — тихо позвала я.

И тут же услышала кряхтенье.

Я побежала на звук. В одной из комнат, сидя на полу и привалившись к старому, потертому дивану, я увидела бабу Анфису. Она взглянула на меня мутными глазами, и на её лице мелькнуло слабое удивление.

— А ты молодец, девка, — прохрипела она. — Нашла меня. И как же ты это сделала?

— Это неважно, — сказала я, подходя ближе. — Как вы тут оказались?

Я подхватила женщину под руку и помогла ей подняться. Она была лёгкой, как птица, и дрожала, как осиновый лист.

— Ой, сил совсем нет, — прошептала она. — Ноги подкашиваются. Не знаю, как я до дому дойду.

— Я помогу, — ответила я, обхватив её за талию. — Мы потихоньку дойдём. Расскажите мне всё, что случилось.

— Расскажу, расскажу, — выдохнула она. — Дай только до дома добраться, да зелий своих выпить. Не думала я, что со мной приключится подобное на старости лет. А я-то думала, что умная... но я ошиблась.

Я провела женщину до двери, и мы с трудом спустились по ступенькам. Я взглянула на стену дома, где ещё недавно висел Шорох, но его там уже не было. Он выполнил свою задачу и исчез.

Мы вышли из дворика и побрели по переулкам. Мне очень хотелось узнать, что именно произошло, но Анфиса отказывалась говорить до того, как мы придём домой.

Мы шли долго — почти около часа. Хотя обычным шагом это расстояние заняло бы не больше пятнадцати минут. Но с каждым шагом я чувствовала, как силы покидают старую женщину, и мне приходилось поддерживать её.

Когда мы наконец зашли домой, я провела Анфису на кухню. Она тут же уселась за свой стол, тяжело дыша, а затем указала на один из шкафов.

— Достань мне там коробочку, — сказала она. — Маленькую такую, белую. В ней порошок желтоватый. И чайник поставь. Сейчас заварим, а затем я тебе всё расскажу.

Я нашла коробочку. Она неприятно пахла чем-то кислым и горьким. Я поставила чайник, заварила чай, а затем Анфиса вместо сахара добавила себе тот самый порошок и сделала

несколько глотков. Её лицо будто преобразилось — стало более розовым, морщины разгладились.

Женщина облегчённо выдохнула и откинулась на спинку стула.

— Позвали меня поработать, — начала она, прикрыв глаза. — Ну, сама понимаешь, дела разные бывают. Всё по рекомендации от знакомых. А когда пришла на место — на меня напали.

— Кто напал? — спросила я. — Нужно сообщить.

— Никому нельзя такого говорить, — перебила она, открыв глаза. — Вопросы начнутся. Будут узнавать, что я там делала. Поэтому никому говорить нельзя. Мглистые напали. Друзья твои.

— Мглистые? — прошептала я, чувствуя, как внутри холодеет.

— Управлял ими кто-то очень сильный, — продолжала женщина. — Не просто так, а целенаправленно.

— Вы думаете, это из-за меня? Из-за того, что я живу в вашем доме?

— Всё может быть, — ответила Анфиса, и в её голосе послышалась усталость.

Она допила свой чай и встала.

— Пойду отдыхать, — сказала она. — Надо восстанавливаться. Завтра много работы.

— Простите меня, — сказала я, чувствуя, как в горле встаёт ком. — Что из-за меня у вас проблемы. Может быть, мне лучше съехать?

— И куда ты съедешь? — усмехнулась она. — Не выдумывай. Не с такими разбирались, и с этим разберёмся.

Бабка Анфиса побрела в свою комнату, а я убрала на кухне. Затем зашла в свою каморку. Шорох висел на привычном месте, на стене, свернувшись серым клубком.

— Спасибо тебе, что ты помог, — прошептала я.

Я легла на топчан и свернулась калачиком. Почувствовала, как Шорох спустился со своей стены и лёг у меня в ногах, будто верный кот, охраняющий мой сон.

Я слышала, как за тонкой перегородкой посапывает Анфиса. Мне стало немного спокойнее. Закрыв глаза, я почувствовала, как усталость наконец берёт своё, и провалилась в сон.

Глава 7

Когда я проснулась утром, всё было как обычно. Бабка Анфиса возилась на кухне — я слышала звон посуды и её тихое бормотание. Я поздоровалась с ней, быстро позавтракала и вышла на улицу. На работу сегодня идти было не нужно, и я не видела смысла сидеть дома в четырёх стенах.

Я решила прогуляться по Белокаменску.

Пока я жила в приюте, нам это не разрешалось. Мы выходили строго по пропускам и должны были возвращаться в назначенное время. Мы могли отправиться за покупками или ещё по каким-то поручениям, но простые прогулки по городу считались недопустимыми. Теперь же я была свободна, но эта свобода казалась мне чужой и пугающей.

Я хотела всё обдумать и сложить этот пазл в своей голове. Змея, кусающая свой хвост. Штабс-капитан Сторожев. Я помнила из газеты, где он погиб, и сама не заметила, как подошла к этому месту. Встала у моста, облокотилась на поручень и посмотрела в тёмную воду. Она была маслянистой и непроглядной, как сама имперская тайна.

Не знаю, как долго я так стояла, пытаюсь осмыслить, как быстро перевернулась моя жизнь. Из простой приютской девушки я превратилась в ту, кто чувствует и видит Мглистых. Как из обычной сиротки я стала помогать детективу в Опричном Приказе. Всё это казалось нереальным, будто я жила в чужом сне.

Я шла по улице и сама не заметила, как оказалась неподалёку от "Скифа". Витрину уже отремонтировали, и она снова поблёскивала в лучах восходящего солнца.

На витрине красовались диковинные украшения — явно дорогие. Даже самые обычные серьги мне никогда не будут по карману. Я стояла и рассматривала витрину, когда ко мне подбежал небольшой мальчонка.

Штаны на нём были порваны, на глаза натянута кепка, а лицо и руки были грязными, будто он только что выбрался из подвала.

— Аглая? — спросил он, а затем хрюкнул и грязным рукавом вытер нос.

Я кивнула.

Он протянул мне небольшой свёрнутый листик и продолжил смотреть на меня своими большими глазами. Мне никогда не доставляли подобных писем, но я знала, что должна дать ему монетку.

Я полезла в карман, нащупала одну. Мне было грустно с ней расставаться — денег у меня было очень мало. Но глядя на этого грязного мальчику, я прекрасно понимала, что у него ситуация ещё гораздо хуже. Если он вынужден бегать по улицам и раздавать письма, значит, у него нет выбора.

Я сунула монетку в его грязную ладошку. Мальчик взглянул на неё, спрятал в карман и тут же убежал, скрывшись за углом.

А я развернула сложенный листок и прочитала послание:

"Приходи через час на Каневский проспект. Таверна в подвале у главного моста. Ф.Ф."

И снова этот загадочный Ф.Ф. Теперь я хотя бы знала, что его на самом деле зовут Фёдор Фёдорович. Видимо, он хотел дать мне первое задание. Я бы с удовольствием отказалась, но понимала, что сделать это не могу. Он человек из высших чинов, и у меня могут быть проблемы. Никто меня не защитит.

Я сложила листик в карман и пошла в сторону Каневского проспекта. Я только примерно знала, где он находится, поэтому немного заблудилась среди узких улочек и туманных переулков. Но к назначенному времени пришла вовремя.

Таверна называлась "Чайная у Маргариты" и находилась в подвале старого дома у главного моста. Когда я заглянула внутрь, Фёдора Фёдоровича я не увидела. Я некоторое время постояла у входа, пока не поймала внимательный взгляд женщины, стоявшей за прилавком.

Она была одета в белый чепец и чистый фартук, на котором не было ни единой крошки. Её лицо было ухоженным, а взгляд — цепким и наблюдательным.

— Чего тебе, милая? — спросила она.

В её голосе не было неприязни, но я прекрасно понимала, что таким, как я, здесь не место. В основном все столики были свободны — только два были заняты.

За одним сидели двое мужчин и о чём-то тихо переговаривались, попивая горячий чай. За вторым столиком сидели две молодые девушки, явно из богатых семей — об этом говорили их кричащие наряды и сверкающие украшения. Девушки медленно ели какие-то пирожные и искоса поглядывали на меня.

— Добрый день, — поздоровалась я. — У меня здесь назначена встреча.

— Встреча? — Женщина удивлённо приподняла тонкую изогнутую бровь.

— Да. Встреча по работе. Я, наверно, подожду на улице.

— Заходи, заходи, — махнула она рукой. — У меня для всех найдётся место.

Она взглянула на тех девиц и скривилась, будто ей были безразличны их реакция. Я села за столик у стены, и женщина тут же налила мне чай в маленькую голубую фарфоровую кружечку. Я хотела отказаться, но не успела и слова вымолвить, как она сказала:

— Пей. Это за мой счёт.

Я хотела возразить, но в этот момент колокольчик над дверью снова звякнул. Я оглянулась — потому что сидела спиной ко входу — и увидела невысокого мужчину средних лет. У него были очень густые усы, маленький подбородок и залысина, которую я заметила, когда он снял фуражку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.